

История публицистики. Риторика

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-74-80

Империя до империи. Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Автор анализирует школьные драмы эпохи Петра Великого как публицистические произведения. Материал исследования – пьеса «Торжество мира православного» (*The Triumph of the Orthodox World*). В этой школьной пьесе, написанной в 1703 г., уже используются образы империи и апостольской проповеди для прославления политики Петра I.

Ключевые слова: публицистика, политическая терминология, школьная драма, эпоха Петра I, империя, апостол

Для цитирования: Одесский М.П. Империя до империи: Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 74–80. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-74-80

An empire prior to the empire. School drama in the context of publicism in Peter the Great's epoch

Mikhail P. Odessky

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The author analyzes school dramas of Peter the Great's Epoch as publicist writings. The research is based on the play *The Triumph of the Orthodox World*. In this school drama written in 1703 images of the empire and apostles teaching are used to praise Peter the Great's policy.

Keywords: publicism, political terms, school drama, Peter the Great's epoch, empire, apostle

For citation: Odessky MP. An empire prior to the empire. School drama in the context of publicism in Peter the Great's epoch. *SUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;11(44):74-80. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-74-80

Петр I отличился в русской истории не только как реформатор, но и как организатор пропагандистского продвижения своих реформ, чему уделял постоянное внимание и добился успехов. Вместе с тем техника петровской пропаганды (и официальной публицистики) принципиально отличалась от современной. Если современная пропаганда следует установке на убедительность, то Петр I – самодержец и законный государь – не имел практической надобности убеждать. Соответственно, если современная пропаганда оперирует представлениями, привычными социуму, то петровская пропаганда, безразличная к степени своей убедительности, скорее инициировала ситуацию убеждения, а потому использовала пропагандистские приемы, социуму неизвестные и шокирующие [см. подробнее 1 с. 41–47].

Значимое место в арсенале петровской пропаганды отводилось так называемой школьной драме. Это – своего рода «самостоятельность» духовных училищ, уходившая корнями в Средневековье, но особую популярность обретшая в Реформацию. С одной стороны, ее высоко оценивал Мартин Лютер, с другой – в совершенстве владели иезуиты. На Русь школьные пьесы попадают в XVII–XVIII вв. при посредстве ученых украинцев (реже – белорусов), которые обучались в католической Польше. Когда в Москве была учреждена Славяно-греко-латинская академия (в качестве академии это первое в Великодержавии учебное заведение функционировало с 1701 г.), то силами ее преподавателей стали сочиняться и пьесы. Для школьной драмы были характерны: соблюдение строгих теоретических предписаний; обработка мифологических или библейских сюжетов; использование аллегорических фигур; преобладание декламации над действием и т. д. Однако в первое десятилетие XVIII в. Славяно-греко-латинская академия превратила школьные пьесы в эффективное средство публицистического освещения внешней политики петровской России, а именно – событий Северной войны. На академической сцене

регулярно ставились драматические панегирики, прославлявшие русские победы: от начальных – до Полтавы. Постановки согласовывались с торжественными мероприятиями, которые устраивало правительство, и наглядно «визуализировали» официальную идеологию. Также постановки сопровождались подробными программками, которые печатались (редкость для того времени) и функционировали как самостоятельное публицистическое произведение. В данной статье рассматривается представленная 16 января 1703 г. пьеса «Торжество мира православного» (см. комментарии В.В. Кускова [2 с. 494–495]), которая как раз сохранилась только в виде печатной программки.

«Торжество мира» было не первым в ряду драматических панегириков: ей предшествовали «Страшное изображение второго пришествия Господня» (4 февраля 1702 г.) и «Царство мира православного». Эту последнюю пьесу приготовили к именинам царя (29 июня 1702 г.), но Петр столицу не посетил и спектакль не состоялся (притом программку опубликовали, что свидетельствовало о высоком пропагандистском статусе). Когда зимой 1703 г. было решено организовать в Москве торжества, должные ознаменовать победы над шведами, то «Царство мира» переделали в новую пьесу – «Торжество мира православного». Легкость трансформации объясняется тем, что в обеих пьесах центральным героем выступал апостол Петр, но только первая была приурочена к церковному празднику первоверховных апостолов Петра и Павла, а вторая – к поклонению веригам апостола Петра.

Пьеса «Торжество мира» имеет типичную для школьной драмы структуру и состоит из пролога, трех действий, эпилога. В I и II действиях на аллегорическом и историческом уровне представлены апостольские подвиги св. Петра: проповедь истинной веры; одоление в Риме языческого мага Симона; крестная смерть. Ничто, казалось бы, не сигнализирует о политическом подтексте – военных победах 1702 г. Имеется в виду русское наступление в Ингерманландии; там пал Нотебург, ставший крепостью Шлиссельбург (Ключ-город), потом другие крепости (в 1703 г. Ингерманландия полностью перейдет под контроль русской армии).

В III действии авторы все-таки пытаются актуализировать сюжет. Фигура Злочестия, которая ранее прислуживала гонителю христианства императору Нерону, теперь

вжигает две кометы, луну таврикийскую, льва шведского, еже вредити Православие; но Благодестие, под крилома орла великороссийскаго неврежденно, Марсу российскому дает крест и мечь,

еже Православия борителя побеждати. <...> Злочестие полки свои чиновне разполагает, на них же Марс роксоланский со вои нашед, ко многой брани злочестивыя в бегство приводит и достизати бегущих устремляется, воином догнанныя убивающым <...> Фортуна Генеуша Марса российского венчает, брати города противных... [2 с. 203–205].

Политическая актуализация здесь в том, что Православию, которое ранее защищал апостол Петр, теперь угрожают геральдические замещения враждебных государств – «луна таврикийская» (в данном случае сюзерен «таврикийских» крымских ханов – Турция) и, конечно, «лев шведский», а христианское Благочестие осеняется крылами геральдического Орла Российского. В этом противостоянии рядом с Орлом борется – в христианском панегирике! – языческий бог войны Марс. Марс имеет подсказывающее определение «российский», ему (точнее, его аллегорическому удвоению – «Гениушу»-Гению Марса) дано «брати города противных» (как Петру в Ингерманландии), а потому языческий бог предстает панегирическим замещением самого победоносного царя.

«Торжество мира православного» заканчивается триумфом Марса, который происходит в Риме: «торжественный воз» с Гениушем Марса влекут аллегорические Мужество и Фортуна; также «воз» влеком львом и змеей – «знамениями побежденных»; направляется колесница триумфатора Марса «до Капитолия, торжествующих храма» [2 с. 206].

Наконец, в эпилоге снова вспоминается св. Петр: его Гениуш вместе с Благочестием и Миром православным слагают «похвальная анаграмматa» из имени царя [2 с. 206] – тезки апостола. Однако, как неоднократно указывалось, глубинный аспект панегирической актуализации заключается в том, что апостол Петр – не просто тезка, а патроним царя, то есть святой, в память которого он получил имя. А значит, это – пример хорошо известного в то время риторического приема восхваление-через-соименников [1 с. 181–186]. Потому и будущая столица России, в 1703 г. заложенная царем на взятых землях, названа городом святого Петра: Санкт-Петербург. Следовательно, вся пьеса «Торжество мира православного» (и «Царство мира») – коль скоро она посвящена подвигам апостола Петра, даже вероучительным – автоматически означала восхваление подвигов царя, даже воинских. Это с одной стороны. С другой – добавляя к сказанному новые соображения, продуктивно акцентировать, что в петровской пропаганде апостольское служение его патронима получало дополнительный публицистический смысл.

Действительно, царь Петр и его сотрудники стремились позиционировать государственную идею как основанную не на историческом предании, а на славном настоящем и будущем – героических подвигах государя-реформатора. Российская империя не только и не столько наследует московскому царству, сколько предстает небывалым прецедентом – государством с новой территорией, с новой армией и флотом, с новыми институтами. В петровской публицистике преобладает апелляция не к «своим», а к вечным образцам: подданных надо просвещать и заново учить, чтобы сформировать совершенно нового человека – унифицированного подданного нового государства.

Это выражается и в идеологическом дискурсе. Прежде всего – в новом титуле государя: в 1721 г. – после победы в Северной войне – вместо традиционного «царь» вводится «император», универсальный по характеру и наделенный античными коннотациями. Но еще в «Торжестве мира православного» (в III действии) языческая богиня войны Беллона вещает Александру Македонскому и Помпею Великому, что они «паки» возродились в Марсе российском (то есть царе Петре), который «их храбрости торжеств и величества есть наследник», а в сцене римского триумфа эти великие полководцы древности шествуют перед колесницей Марса, которая влечет современного героя в Капитолий [2 с. 206].

Другим наглядным и эффективным приемом презентации универсальной концепции петровской власти – наряду с образом империи – служил образ нового миссионерства. Иначе говоря – апостольства. Как Христовы апостолы просвещали народы светом новой религии, так при Петре правительственная пропаганда следовала установке на приобщение русского общества к новой идеологии, которая практически трансформировалась в новую религию. Новые ценности аргументировались необходимостью радикального преобразования общества и создания нового человека. Программа – грандиозная, и адекватным ее символом оказывалась только христианская миссия – распространение новой, истинной веры. Закономерно, что в качестве первого ордена России еще в конце XVII в. учреждается орден апостола Андрея Первозванного (апостол, согласно исторической традиции – от «Повести временных лет» до «Синописа», некогда посетил русские земли). Аналогично апологетам царя Петра из Славяно-греко-латинской академии понадобился св. Петр, не только патроним монарха, но и первоверховный апостол.

Более того, авторы «Торжества мира православного» наметили панегирический образ, который замечательно синтезировал идеи

империи и апостольской миссии. В III действии – перед решительной битвой во имя Православия – Гениуш российского Марса обращается с молитвой к Богу (так!), и языческому богу является христианский крест с надписанием: «В сем знаменнии победиши» [2 с. 205]. В этом эпизоде легко узнать аллюзию на чудесное явление креста римскому императору Константину, а император Константин почитался церковью как «равноапостольный». Дефиниция «равноапостольный» означает повторение миссии апостолов: правители прославляются в качестве равноапостольных, если они (как Константин в Римской империи) легализовали христианство в своих государствах. Апостолы действовали словом, равноапостольные государи – правительственной властью, что делало сравнение с ними еще более привлекательным для царя Петра. Позднее – в походе против турок 1711 г. – Петр вводит новые знамена, украшенные Константиновым девизом «Сим знаменем победиши!» [3 с. 53]. Наконец, в траурном «Слове на погребение Петра Великого» (1725) Феофан Прокопович, перечисляя невероятные успехи правления императора, вспоминает и Константина Великого:

Се же твой, о и церкви российская... Константин. Его дело – правительство синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! [4 с. 127]

Кстати, тот же Феофан Прокопович – наиболее яркий представитель петровской публицистики – свою киевскую школьную драму (трагедокомедию) «Владимир» (1705 г.) посвятил другому равноапостольному государю, крестителю Руси. Восхваление христианского подвига киевского князя символизировало московского царя Петра: равноапостольный Владимир неспроверг языческие суеверия, а царь борется с суевериями своего времени, то есть негативно оцениваемой традиций. Соответственно, в финале трагедокомедии Феофан Прокопович вывел и апостола Андрея, пророкствующего о грядущем величии Петра [4 с. 207].

Итак, школьная драма «Торжество мира православного», несмотря на подобающий духовному учебному заведению религиозный сюжет – христианские подвиги апостола Петра, публицистически транслировала базовые идеологемы правительственной пропаганды: деятельность царя Петра настолько не имеет национальных прецедентов и столь величественна, что ее могут достойно символизировать лишь универсальные идеи империи и апостольства.

Литература

1. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. 397 с.
2. Пьесы школьных театров Москвы / Ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1974. 584 с.
3. *Härtel Н.-J.* Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 254 s.
4. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.

References

1. Odessky MP. Poetics of the Russian Drama; 17th – the first third of the 18th century. Moscow: RGGU Publ.; 2004. 397 p.
2. The School dramas of Moscow Theatres / Ed. by AS. Demin. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 584 p.
3. Härtel Н.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 254 s.
4. Feofan Prokopovich. Works / Ed. by IP. Eremin. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ.; 1961. 502 p.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; modessky@mail.ru